

№

АНТРАКТЪ

32.

Антрактъ выходитъ еженедѣльно. Цѣна годовому изданію (30 №№), съ доставкою на домъ, въ Москвѣ — 2 руб. сер.; годовому — 1 руб. 50 коп. сер.; на три мѣсяца — 1 руб. сер. Для подписчиковъ же на театральныя вечера цѣна годовому изданію — 1 руб. сер. Подписка отъ иногородныхъ принимается только годовая и за пересылку въ другіе города прилагается 1 руб. 50 коп. сер. въ годъ (всего 3 руб. 50 коп. сер.). Срокъ подписки считается съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Подписка принимается ежедневно, отъ 9 часовъ утра до 5 часовъ вечера, въ конторѣ типографіи императорскихъ московскихъ театровъ (Ив. Ив. Смирнова), на Никольской улицѣ, въ домѣ графа Орлова-Давыдова, а во время спектаклей — въ книжной лавкѣ, въ Большомъ театрѣ.

Содержаніе: По поводу наступающаго сезона. — Предстоящія новости на московскомъ театрѣ. — Письмо къ редактору. — Смѣсь (Писсы. Новости петербургскаго театра. Новый театр. Несчастный случай. Театръ въ Рыбинскѣ. Кіевское Музыкальное общество. Кіевская опера. Изъ Праги. Цензура. Любительскій спектакль. Сестры-артистки. Орденъ Почетнаго легіона. Сборъ съ офенбаховыхъ опереттъ. Оперетта Оффенбаха въ Эмсѣ. Гонорарій, полученный Веберомъ. Число фортепіано на парижской выставкѣ. Случай съ сыномъ турецкаго султана въ театрѣ. Острота Россіи. Каталани и ея критикъ. Библиографическія новости. Театръ мармоновъ). — Отвѣтъ редакціи.

ПО ПОВОДУ НАСТУПАЮЩАГО СЕЗОНА.

Въ среду на будущей недѣлѣ открывается сплошная серія спектаклей новаго сезона. Въ нынѣшнемъ № нашей газеты мы помѣщаемъ очеркъ того, что по настоящее время въ большей или меньшей степени обозначилось и предполагается для дѣятельности московскихъ театровъ въ ближайшемъ будущемъ. Этимъ очеркомъ хотя далеко не вполне и неточно, но все же въ общихъ чертахъ намѣчается характеръ этой дѣятельности. Немногое, даже очень немногое можно сказать по поводу ея. Нѣтъ измѣненія въ силахъ нашихъ труппъ; нѣтъ измѣненія въ стремленіяхъ этихъ силъ. Все остается по прежнему, по старому. Прежде всего, по прежнему, невольно поражаешься случайнымъ столкновеніемъ разнообразнѣйшихъ произведеній, изъ которыхъ суждено сложиться репертуару будущаго сезона. Не уловишь никакой мысли въ этомъ сѣявленіи, никакой руководящей нити, никакого единства направленія: чего хочешь, того просишь; всѣмъ сестрамъ по серьгамъ и всѣ сестры рискуютъ остаться притомъ безсерезными.

Посмотримъ на Большой театръ. Балетъ пока еще, что называется, ни при чемъ: что нибудь да будетъ, а чему быть — покажетъ время, случай. Не опасаться ли зато, что это *что нибудь* и запоздаетъ, и явится скоро-спѣлкою, если оно будетъ еще только опредѣляться съ началомъ сезона, т. е. въ то время, когда могло бы и должно бы было уже вырабатываться? Да и найдется ли еще достаточно времени для постановки чего нибудь капитальнаго? Видѣ предстоящій сезонъ не великъ; а извѣстно, что постановка новаго балета — дѣло не легкое и не шуточное во всѣхъ частяхъ постановки. Если же это новое балетное *что нибудь* окажется слишкомъ эфемернымъ — будетъ очень жаль и не расчетливо. Жаль и не расчетливо потому прежде всего, что персоналъ нашей балетной труппы въ будущемъ сезонѣ про-

тивъ прошлаго будетъ имѣть пробѣлъ, рѣшительно невосполненный: Гранцовой у насъ нѣтъ, а Кеммереръ ей не замѣна, даже приблизительно. Этого забывать не надобно. При этомъ невыгодномъ условіи, новый балетъ долженъ много говорить самъ за себя. Балеты старые — слишкомъ присмотрѣлись, благодаря тому, что изъ этихъ старыхъ балетовъ на репертуарѣ держатся очень и очень немногіе, и то иныя въ отрывкахъ, не имѣющихъ болѣею частью за собою никакого интереса. А между тѣмъ съ возобновленія нашего Большаго театра послѣ пожара на немъ, какъ всѣмъ извѣстно, было поставлено въ разное время въ теченіе одиннадцати лѣтъ не мало балетовъ, и балетовъ большихъ, изъ которыхъ многіе до такой степени давно не даются и успѣли забыться публикой, что съ успѣхомъ могли бы быть возобновлены и держаться на репертуарѣ, какъ напр., хотя балетъ *Мраморная красавица*.

Наша оперная труппа, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не имѣвшая возможности сколько-нибудь установиться, не слишкомъ заботящаяся объ интересахъ публики и потому не пользующаяся ея вниманіемъ, не обнаруживаетъ, кажется, стремленій и въ будущемъ стать на болѣе твердую ногу и какъ будто добровольно отказывается отъ права на расположеніе къ ней москвичей меломановъ. Видно, изъ опытовъ прежнихъ лѣтъ наши пѣвцы не успѣли извлечь для себя ничего поучительнаго и уроки неказистаго прошлаго пошли не совѣтъ-то въ прокъ имъ. Въ ряду предполагаемыхъ къ исполненію въ наступающемъ сезонѣ оперъ являются опять оперы итальянскія, и притомъ болѣею частью не сходившія съ репертуара недавно бывшей у насъ итальянской труппы. Неужели-же простой, въ болѣе или меньшей мѣрѣ присущій каждому артисту тактъ не могъ подсказать нашимъ пѣвцамъ-бенефициантамъ, что въ этомъ случаѣ неизбежное ораніе ихъ исполненія съ памятнымъ еще исполненіемъ итальянскихъ пѣвцовъ болѣе, чѣмъ невыгодно для нихъ во

всѣхъ отношеніяхъ? Нечего и говорить уже о томъ, что иныя изъ проектированныхъ къ возобновленію оперъ едва-ли могутъ оказаться по силамъ нашей оперной труппы. Что же заставляетъ оперныхъ бенефициантовъ, безо всякаго расчета на матеріальныя блага, напрашиваться на лишніе нареканія и неудовольствія со стороны публики и отбивать у послѣдней все болѣе и болѣе охоту посѣщать оперные спектакли? Почему бы, за неимѣніемъ многого русскаго, не братья имъ преимущественно записались изъ нѣмецкой или французской драматической музыки? Менѣе извѣстное, болѣе легкое и доступное могло бы возбудить въ публикѣ болѣе интереса и выказать съ наиболѣе выгодной стороны средства исполнителей. Да памятуя оперные бенефицианты недавній экспериментъ ихъ надъ *Гугенотами*! Руководство въ этомъ случаѣ могъ бы взять на себя г. Островъ, который, не являясь болѣе исполнителемъ, имѣетъ полную возможность всецѣло отдаться режиссерскимъ занятіямъ и, какъ хорошій, опытный, свѣдущій дѣятель въ этомъ родѣ, долженъ привести много пользы и двинуть впередъ застоявшееся дѣло: это по крайней мѣрѣ наши надежды, которыя мы не задумываемся высказать, такъ какъ находимъ ихъ небезосновательными и возможными для осуществленія.

А Малый театръ? Измѣняется ли тутъ дѣло нашей драматической труппы? Грѣхъ сказать. Будетъ то, что и было: ни шатко, ни валко, ни на сторону. Три, четыре классическія піесы, какъ будто чудомъ какими-то вызванныя изъ дирекціонныхъ портфелей на свѣтъ божій, по прежнему втиснутся въ рядъ оригинальнѣйшихъ самодѣльныхъ новостей всякаго сорта и калибра. Авторы этихъ послѣднихъ піесъ, вкупѣ съ актерами, выбирающими ихъ для своихъ бенефисовъ, какъ можно надѣяться, и въ предстоящемъ сезонѣ не отступятся отъ прежней, давнымъ давно уже усердно преслѣдуемой ими цѣли—доказывать русской публикѣ, что въ настоящее время объ искусствѣ вообще и драматическомъ въ особенности—не можетъ быть и рѣчи, что существованіе театра теперь болѣе, чѣмъ безцѣльно, что дѣло театра какъ театровъ—пустое дѣло. Что можетъ быть ужаснѣе самоотреченія? А развѣ не до подобнаго самоотреченія доходятъ актеры нашей драматической труппы, когда на перебой другъ передъ другомъ, съ руками берутъ для своихъ бенефисовъ и разыгрываютъ піесы, каждая сцена которыхъ только и говоритъ зрителю, что онъ долженъ отложить всякое попеченіе о томъ наслажденіи, котораго не въ состояніи дать ему дѣйствительность и за полученіемъ котораго все еще не перестаетъ онъ время отъ времени заглядывать въ театръ. Какъ извѣстно, во многомъ мы ограничиваемся простымъ подражаніемъ чужому: оно сподручѣе и легче. Ломать голову и самому додумываться потрудитѣ, чѣмъ наброситься на готовое—и преспокойно вращаться въ разчерченномъ и размѣренномъ кругѣ, ни на шагъ не переступая за его счертаніе. Вотъ еще недавно англійскій «Аthenaeum», говоря о картинахъ русскаго отдѣленія всемірной выставки, безъ околичностей рѣшилъ, что въ живописи русской вездѣ бросается въ глаза

вліяніе французской школы. Ну, въ живописи, можетъ быть, еще и такъ; но зато въ современной русской драматической (чуть было не сказали—поэзіи) литературѣ—мы оригинальны, оригинальны до невиданнаго упрямства. Тутъ мы зашли дальше всѣхъ и, можно сказать, дошли до геркулесовыхъ столбовъ. Тутъ мы только и бьемъ на отрицаніе всевозможныхъ высшихъ задачъ и цѣлей, на отрицаніе искусства—этой забавляющей насъ теперь выдумки былого невиннаго времени; мы напропалую отрешиваемся отъ всего, кромѣ только достолюбезнаго и единственно понятнаго намъ дагерротипизма, русскаго списыванія съ дѣйствительности, въ которой мы боимся не доглядѣть ничтожѣйшей точки, черточки. И это вовсе не одни только слова. Теперь вовсе не рѣдкость встрѣтить въ толстой книжкѣ иного журнала какую-нибудь историческую драму, хронику или трагедію съ ссылками внизу страницъ на тѣ источники, изъ отрывковъ которыхъ склеена драма. А посмотрите, съ какою откровенностью и прямою высказываютъ иные драматурги печатно стремленія свои вытравлять изъ своихъ произведений въ зародышахъ всякую художественность. Очень недавно, наур., въ Москвѣ явились отдѣльными книгами двѣ драмы: одна—историческая, другая—бытовая. Въ предисловіи къ первой изъ нихъ авторъ объясняетъ, что историческія дѣянія и историческія имена требуютъ только истинности одной; а вымысла, хотя бы и художественнаго, не допускаютъ.... Чтобы все возсозданіе походило лишь на дагерротипный снимокъ съ тогдашней дѣйствительности—такова была задача предлагаемой драмы. Одно это—скромно-ли то или самонадѣянно—мы и поставили за главную цѣль (см. «Смута» Вицнына). Хорошо должно быть возсозданіе и недурна главная цѣль. Ну, и дѣйствительно возсозданіе стоитъ главной цѣли: трудно представить себѣ что-нибудь болѣе странное этой исторической драмы. Въ предисловіи къ другой драмѣ авторъ ея также до совершенной ясности обнаруживаетъ передъ нами цѣль своего произведенія. Онъ говоритъ: *Я рѣшился написать драму, чтобы въ драматической формѣ нагляднѣе изобразить вопросъ о бракахъ вилкинутой и забытой расколынической среды,—изобразить, разультетъ, настолько, насколько могутъ позволить условія сцены... Но получить ли предлагаемая драма какое-нибудь значеніе въ средѣ раскола, подвигнетъ ли она мотивированный въ ней вопросъ ближе къ истинѣ,—это можетъ разрѣшить только безпристрастный читатель и та форма гласности, на судъ которой отдаются «Забытые люди» (см. эту драму Н. Попова). Говорить-ли, что могло и должно было выйти изъ подобнаго нагляднаго изображенія вопроса о бракахъ? Не знаемъ, получить ли предлагаемая Н. Поповымъ драма какое-нибудь значеніе въ средѣ раскола; но знаемъ, что для сцены то ужъ она, собственно говоря, не можетъ и не должна имѣть никакого значенія, а между тѣмъ она, пожалуй, не мигаетъ сцены, какъ не проходитъ мимо сцены почти все, что только написано въ разговорной формѣ. И вѣдь названныя нами піесы вовсе не исключенія въ этомъ случаѣ: тѣ же цѣли преслѣдуются почти*

всѣми современными поставщиками піесъ для сцены. А набрасываясь на произведенія подобного рода, развѣ актеры наши не доказываютъ только того, что цѣли этихъ авторовъ—высѣчь съ тѣмъ и ихъ цѣли? А развѣ, задаваясь такими цѣлями, актеры не поднимаютъ руки и на свое искусство и на себя самихъ? Вотъ на что только хотимъ мы кстати обратить вниманіе нашихъ артистовъ и вотъ надъ чѣмъ приглашаемъ ихъ серьезно пораздумать. Слѣпая погоня за дѣйствительностью въ искусствѣ—занятіе безцѣльное, пустое и пагубное. «Чтобы дѣйствительность не подсушила тебѣ своихъ образовъ»,—обращается Шиллеръ къ художнику—не входи въ ея сомнительное общество до тѣхъ поръ, пока не укоренишь прочно въ своемъ сердцѣ свои идеалы» («Ueber die aesthetische Erziehung des Menschen»). Да не мимо и нашихъ артистовъ молвится это доброе слово!

ПРЕДСТОЯЩІЯ НОВОСТИ НА МОСКОВСКОМЪ ТЕАТРѢ.

Черезъ два дня начинается для нашего театра осенне-зимній сезонъ, въ который бываетъ наибольшая часть бенефисовъ (а вѣдь извѣстно, что почти всѣ новости нашей сцены даются въ бенефисы), сезонъ, въ который публика особенно посѣщаетъ театры. Какія же новости ожидаютъ насъ въ этомъ сезонѣ? Къ сожалѣнію, намъ удалось собрать извѣстія только о нѣкоторыхъ изъ нихъ, потому что многіе артисты еще не избрали піесъ для своихъ бенефисовъ. Притомъ всѣ сообщаемыя нами новости только еще предполагаемыя, онѣ легко могутъ измѣниться и къ тому же еще нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ къ сферѣ слуховъ.

Начнемъ съ драматической труппы. Къ сожалѣнію, вышѣшній годъ въ дирекціонные спектакли, какъ кажется, не будетъ дано ни одной ни новой, ни возобновленной піесы. Въ этомъ случаѣ, прошлый годъ былъ счастливѣе: въ прошломъ году при началѣ сезона были вновь поставлены отъ дирекціи три піесы Мольера: *Милый больной*, *Жоржъ Данденъ* и *Продѣлки Скапена* (не считая маленькой пустой піески, передѣланной съ польскаго: *Боль врачъ ищетъ*; еслибы она и не ставилась—потери никакой не было бы). Бенефисы же артистовъ драматической труппы начнутся въ сентябрѣ бенефисомъ г-жи Карской. Для него предполагается комедія Шекспира *Дѣвятинадцатая ночь, или что угодно* въ переводѣ Кронеберга. Въ этой піесѣ роли будутъ распредѣлены, какъ говорятъ, слѣдующимъ образомъ: Орсино—г. Вильде, Себастьянъ—г-жа Карская, Автоноіо—г. Дмитревскій, Сэръ Тоби Белчъ—г. Самаринъ, Сэръ Андрей Эгчикъ—г. Оедотовъ, Мальволио—г. Садовскій, Шутъ—г. Живокини, Оливія—г-жа Оедотова, Віола—г-жа Васильева, Марія—г-жа Чумаковская, Фабіанъ—г. Петровъ. На бенефисъ же г-жи Карской также будутъ даны: *Нюрнбергская пѣкля*, одноактная опера Адана, и *Гласная касса судъ*, отрывокъ изъ неразрѣшенной къ представленію большой піесы *Петербургскія тайны*.

За бенефисомъ г-жи Карской назначенъ бенефисъ

г-жи Никулиной—Косицкой. Для этого бенефиса, авторъ піесы *Забутые люди*, г. Поповъ готовитъ новую піесу также изъ раскольниковъ быта.

За бенефисомъ г-жи Никулиной—Косицкой назначенъ бенефисъ г-жи Чумаковской. Она было хотѣла дать въ свой бенефисъ *Бориса Годунова* Пушкина, но встрѣтила препятствія въ дороговизнѣ постановки этой піесы. Г-жа Чумаковская остановилась на *Тартюфѣ* Мольера. Роли въ этой комедіи, какъ говорятъ, распредѣлены слѣдующимъ образомъ: Тартюфъ—г. Самаринъ, Оргонъ—г. Шумскій, Эльмира—г-жа Медвѣдева, Маріанна—г-жа Никулина, Дорина—г-жа Чумаковская, г-жа Пернель—г-жа Васильева, Лойаль—г. Никифоровъ.

Но *Тартюфъ* и *Девятнадцатая ночь* не ограничатся классическія новости нынѣшняго сезона. Бенефисъ г. Вильде общаетъ намъ *Гамлета* въ переводѣ Кронеберга, а бенефисъ г-жи Медвѣдевой—*Зимнюю сказку* Шекспира въ переводѣ Кетчера.

Г-жа Васильева намѣревается дать въ свой бенефисъ новую піесу А. А. Потѣхина *Виноватая*, а г. Самаринъ для своего бенефиса пишетъ новую историческую піесу, героемъ которой является послѣдній Дмитрій Самозванецъ.

Г-жа Колосова, какъ слышно, заявила для своего бенефиса новую піесу автора комедіи *Гражданскій бракъ*, г. Чернявскаго, *Роковой вопросъ*.

Въ оперѣ готовятся также новости: ставится новая опера датскаго композитора Саламана, нигдѣ еще неигранная, *Карпатская роза*. Для нея уже рисуются новыя декорации: берегъ Дуная съ видомъ Карпатскихъ горъ и видъ города Яссы. Въ бенефисъ г-жи Александровой пойдетъ опера Глинки *Русланъ и Людмила*, уже двадцать лѣтъ неигранная на московской сценѣ, а въ бенефисъ г-жи Меньшиковой—новая опера Кашперова *Гроза*. Г. Раппортъ возобновляетъ для своего бенефиса *Роберта Мейербергера*, г. Николаевъ—*Фаворитку* Донизетти и г. Радонежскій—*Трубадура* Верди.

Опера-балетъ Оопера *Баядерка* предполагается въ бенефисъ балетнаго режиссера г. Смирнова. О постановкѣ какого нибудь новаго балета еще ничего не слыхать. Ожидаютъ прїѣзда въ Москву г. Петина и, вѣроятно, тогда уже рѣшится, какимъ новымъ балетомъ подарятъ московскую публику. Главною московскою балериною остается г-жа Собещанская. Прїѣдетъ также изъ Петербурга г-жа Кеммереръ. Г-жа же Лебедева хотя еще и не получила отставки и числится все еще въ отпуску, но, къ сожалѣнію, рѣшительно и совсѣмъ оставляетъ сцену.

Въ бенефисъ главнаго машиниста Вальца, имѣющій быть въ концѣ текущаго августа, пойдетъ балетъ *Конекъ Горбунъ*.

Братъ Ращели, Рафаэль Феликсъ предложилъ снова для Москвы французскую труппу на 18 представлений, но не знаемъ, приметъ ли теперь дирекція его предложеніе, хотя нынѣшнія его условія гораздо сходятъ его прежнихъ условій.

По мѣрѣ обозначенія другихъ новостей мы будемъ передавать ихъ въ «Антрактѣ».

В. Р.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ.

М. Г.

Только что возвратясь изъ Парижа, получилъ я «Антрактъ», или скорѣе надо сказать «Авракъ» отъ 6-го августа, № 31. Странное заглавіе, приданное этому № вашего листка, удивило меня, но мое удивленіе еще увеличилось при чтеніи письма изъ Парижа, которымъ начинается содержаніе этого №. Авторъ этого письма, подписавшійся *Временнымъ парижаниномъ*, говоритъ въ немъ, что московскіе театральные критики ужъ слишкомъ строги и вѣроятную причину этой необыкновенной строгости видятъ онъ въ томъ, что московскіе критики слишкомъ набалованы всѣмъ тѣмъ, что они видятъ и слышатъ въ московскихъ театрахъ. «Я бы желалъ—пишетъ г. Временный парижанинъ—чтобы авторамъ, которые пишутъ въ «Антрактъ» отзывы о московскихъ театрахъ, случилось бы хоть по одному разу побывать во всѣхъ парижскихъ театрахъ. Что бы тогда заговорили они? Куда дѣвалась бы ихъ требовательность, ихъ строгость? Посмотрѣли бы они, что мы смотримъ здѣсь, въ Парижѣ! Большею частью (чуть не сплошь) пустын до тошноты, до омерзения піески и піесичи съ претензіею на что угодно и съ полнымъ отсутствіемъ всего, рѣшительно всего, даже подчасъ веселости, самаго дешеваго остроумія.» Справедливы ли эти слова г. Временнаго парижанина? Дѣйствительно ли московскіе критики до того набалованы тѣмъ, что они видятъ и слышатъ на московскихъ театрахъ, что ихъ требованія превосходятъ надлежащую мѣру? Наконецъ репертуаръ парижскихъ театровъ такъ ли жалокъ, какъ пишетъ г. Временный парижанинъ? Не желая нисколько унижать московскихъ театровъ, все-таки я могу смѣло и по справедливости сказать, что репертуаръ ихъ не можетъ выдержать никакого сравненія съ репертуаромъ парижскихъ сценъ. Да и какъ же это было бы возможно? У насъ въ Москвѣ только два театра, изъ которыхъ одинъ, Большой театръ, со своими операми и балетами, проявляетъ свою дѣятельность только около полугода, т. е. съ 16-го августа по великій постъ. Напротивъ того, въ Парижѣ представленія даются ежедневно по крайней мѣрѣ на двадцати театрахъ, изъ которыхъ каждый употребляетъ всевозможныя старанія для того, чтобы избраннымъ репертуаромъ и хорошимъ исполненіемъ заманить къ себѣ публику и понравиться ей. Если г. Временный парижанинъ имѣлъ въ виду исключительно театры низшаго разряда, то въ интересъ изящнаго вкуса никто съ нимъ спорить не будетъ и охотно предоставитъ ему въ добычу театры *Chatelet* и *Сенъ-Мартенскихъ* воротъ съ ихъ волшебствами, съ ихъ *Сандрильонами* и *Льсыми ланями*, даже и произведенія *Оффенбаховой* музыки, его *Герцогини герольштейнскія*, *Прекрасныя Елены*, *Парижскія жизни* и т. д. Но вѣдь подлѣ подобныхъ театровъ лучшіе и большіе парижскіе театры открываютъ свои двери для публики и показываютъ ей лучшія произведенія искусства. Можно даже спросить Временнаго парижанина, посѣщалъ ли онъ, во время своего пребыванія въ Парижѣ, лучшіе тамошніе театры?

Взглянулъ ли даже онъ хоть разъ на объявленія о театрахъ, помѣщаемыя ежедневно въ парижскихъ газетахъ? Неправду его словъ показалъ бы ему одинъ только взглядъ на эти объявленія. Вотъ, напр., репертуаръ лучшихъ парижскихъ театровъ 26-го июля.

Французскій театръ—*Свадьба Фигаро*—Бомарше.

Большая опера—*Донъ Жуанъ*—Моцарта.

Комическая опера—*Сѣверная звѣзда*—Мейербергера.

Одеонъ—*Говолія*—Расина съ хорами Мендельсона-Бартольди.

Лирическій театръ—*Ромео и Джульетта*—Гуно (автора *Фауста*).

Театръ Водевиль—*Семейство Бенуатоновъ*—Сарду.

Театръ Гимназія—*Бѣлый галстукъ*, *Фортепиано* *Берты*, *Старые зрѣли*, *Мишель* и *Христина*.

Если и послѣ этого г. Временный парижанинъ будетъ жаловаться, что во всѣхъ парижскихъ театрахъ даются *пустыя* до тошноты, до омерзения піески и піесичи, то мы не знаемъ, кто строже: онъ, или московскіе театральные критики.

М. Эрлангеръ.

Искаженіе заглавія—простой типографскій недосмотръ.—Изъ письма, адресованнаго къ намъ изъ Парижа, мы помѣстили въ прошломъ № «Антракта» только отрывокъ. Сужденія объ актерѣхъ нашей драматической труппы, которыя заключались въ письмѣ *Временнаго парижанина*, по нашему мнѣнію, не имѣли въ себѣ настолько безотносительнаго интереса, чтобы могли дѣлиться въ печати; между тѣмъ изъ этихъ сужденій, да и вообще изъ всего письма видно, что авторъ сопоставляетъ только драматическія сцены Парижа съ нашею драматическою, т. е. со сценою Малаго театра. Въ этомъ отношеніи мы совершенно согласны съ нимъ, на сколько намъ извѣстно положеніе современной французской драматургіи. Въ этомъ не разубѣждаетъ насъ и г. Эрлангеръ, который изъ драматическихъ театровъ Парижа называетъ только четыре; но, кромѣ «Французскаго театра», вѣрнаго классическому репертуару, и старой *Говолія* Расина, изъ названныхъ г. Эрлангеромъ современныхъ піесъ двухъ другихъ театровъ лучшая—комедія Сарду—ниже посредственности и мы отъ всей души не пожелали бы ей для нашей сцены. Что же до «Французскаго театра», то думаемъ, что это не идетъ въ разрѣзъ съ отзывомъ *Временнаго парижанина*, который потому, вѣроятно, и употребилъ оговорку, что пустыя піесы на парижскихъ сценахъ даются *большею частію*. Всѣ остальные сцены, названныя г. Эрлангеромъ,—оперныя или балетныя.

Ред.

С М Ъ С Ь.

Одобрены къ представлению литературно-театральнымъ комитетомъ и театальною цензурою слѣдующія пьесы: 1) *Евгенія Гартлей*, драма въ 5 дѣйствіяхъ, соч. Бомарше, пер. Доброклонскаго и 2) *Графиня Эскарбонья*, ком. въ 1 дѣйствіи, соч. Мольера, пер. Фомы Ашеберга.

Въ «Русскія Вѣдомости» пишутъ изъ Петербурга: съ 1-го августа начался постъ, а потому всѣ театры закрылись; для открытія же готовится пропасть новостей; театральныя комитетъ заваленъ новыми пьесами, какъ оригинальными, такъ и переводными. Изъ числа одобренныхъ къ представлению, нынѣшней осенью пойдутъ: «Ледяной домъ», драма, передѣланная изъ романа Лажечникова. Мы не вѣримъ ни въ успѣхъ, ни въ достоинства это новой передѣлки: мы неоднократно уже видали всѣ эти погудки на старыя лады. Кромѣ того, пойдеть еще новая пьеса, — «Грѣхъ попуталъ», какъ мы слышали, *раздирательная* драма изъ народнаго быта. Въ балетномъ мірѣ готовятся также свои новости; ставятся два новыхъ балета: «Золотая рыбка»; сюжетъ заимствованъ изъ извѣстной сказки Пушкина, и «Источникъ»; первый изъ нихъ пойдеть въ бенефисъ г-жи Петипа, а второй ставится для г-жи Гранцовой. Оба эти балета — сочиненія г. Сен-Леона; музыка же принадлежитъ талантливому перу г. Минкуса, инспектора музыки московскихъ театровъ. «Источникъ» уже два года какъ поставленъ въ Парижѣ и пользуется на сценѣ «Большой Оперы» заслуженнымъ успѣхомъ».

Дирекція императорскихъ с.-петербургскихъ театровъ доводитъ до свѣдѣнія публики, что съ 3-го августа откроется абонементъ на французскіе спектакли.

Въ «С.-Петербург. Вѣдомостяхъ» напечатано: «На восточной сторонѣ Ораниенбаумскаго парка, на суммы и заботы барона Фелейзена, владѣльца ораниенбаумской желѣзной дороги, выстроено новое зданіе, достаточное для помѣщенія 300—400 чело-вѣкъ публики. Внутри вы видите прежде всего возвышеніе и площадку для оркестра и сцены во время театральныя представленія; внизу, передъ сценою, мѣсто для музыки съ выходомъ подъ сценою; затѣмъ партеръ съ рядами креселъ, близко и потому неудобно разставленными; вокругъ креселъ — галлерей на возвышеніи, а выше устроены кругомъ партера ложы. У сцены, по обѣ стороны вьизу, имѣется также по одной большой ложѣ. Наверху амфитеатра, или, попросту раяка — нѣтъ. Стало быть, простому бѣдному люду сюда не полагается заходить. Перила ложъ и потолокъ убраны рѣзьбою; кругомъ же всѣ ложы и сцена драпированы краснымъ сукномъ; кресла и стулья новыя, плетеные. На среднѣ висятъ довольно большая люстра, а кругомъ зданія, у ложъ, размѣщены конкетки въ 4 свѣчи. Вообще надобно отдать справедливость, что зданіе выстроено со вкусомъ и въ которомъ рос-

кошью. — Въ четвергъ, 20-го іюля, было открытіе новаго павильона въ Ораниенбаумѣ. Объ этомъ, впрочемъ, не было никакого особаго объявленія, ни афишъ, такъ что публика, собравшись по обыкновенію послушать оркестръ г. Лааде на воздухѣ, въ паркѣ, была удивлена неожиданнымъ двойнымъ сюрпризомъ: во-первыхъ — приглашеніемъ въ новое, только что съ иглолки выстроенное зданіе, о чемъ гласило писанное объявленіе и служители желѣзной дороги охотно указывали сбоку дверь: а во-вторыхъ — платою по 25 коп. съ персоны обоего пола и возраста, безъ различія, какъ сказано въ наклеенной тутъ бумажкѣ. Это-то второе приглашеніе и было для многихъ камнемъ преткновенія и неожиданностію. Потому что во все лѣто за входъ въ паркъ или въ залъ воксала желѣзной дороги, гдѣ играла музыка во время дождя, никакой платы не требовалось. Правда, что новый павильонъ выстроенъ собственно для публики и потому вправѣ назначать плату за входъ; но едва ли сборъ по 25 коп. можетъ быть значителенъ для покрытія издержекъ постройки, а между тѣмъ эта плата, во время лѣтняго сезона, кажется намъ въ то же время и высокою и непрактичною, замѣчаетъ корреспондентъ «Кронштадтскаго Вѣстника», сообщая всѣ эти свѣдѣнія. Многіе предпочтутъ идти въ верхній большій паркъ, гдѣ могутъ слушать военную музыку, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, гулять въ зелени, что и оправдалось на дѣлѣ въ тотъ же вечеръ. Высокою же плату мы считаемъ потому, что большую часть публики составляютъ дачники, семейства которыхъ состоятъ изъ нѣсколькихъ членовъ, нерѣдко и значительнаго числа, а потому, въ сложности, составятъ чувствительная сумма для того, чтобъ два раза въ недѣлю платить за удовольствіе послушать, правда, прекрасную музыку г. Лааде. Если же необходима входная плата, то намъ кажется было бы практичнѣе назначить по 10 коп. за входъ; тогда мы увѣрены и сбору было бы больше, и никому не было бы накладно».

2-го августа, на минеральныхъ водахъ, у Излера, при началѣ хожденія по канату, обрушилась платформа, съ которой приготовлялись ступить на канатъ два акробата. По счастью они успѣли удержаться за канатъ и затѣмъ благополучно спустились на землю.

Въ «Яросл. Вѣд.» пишутъ изъ Рыбинска о многихъ общепользныхъ учрежденіяхъ, которые предполагаются и проецируются въ Рыбинскѣ, каковы напр. двѣ полныя гимназій, публичная городская бібліотека съ музеемъ, театръ, публичный садъ.

Въ *Кіевлянинѣ* пишутъ, что Русское Музыкальное Общество, существующее въ Кіевѣ уже нѣсколько лѣтъ, получило, по распоряженію г. начальника юго-западнаго края, 1.000 рублей пособія. Общество начало пріобрѣтать, по словамъ *Кіевлянина*, сочувствіе въ тамошней публикѣ и желало бы основать въ Кіевѣ музыкальную школу, но оно можетъ осуществить это предположеніе только въ

томъ случаѣ, если кievское городское сословіе не откажется содѣйствовать ему въ этомъ неоспоримо полезномъ національномъ дѣлѣ. На этомъ основаніи, состоящей подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елены Павловны Комитетъ Русскаго Музыкальнаго Общества въ Кіевѣ обратился къ кievскому городскому головѣ съ просьбой поддержать, по мѣрѣ средствъ, устройство музыкальной школы въ Кіевѣ какимъ-нибудь пожертвованіемъ со стороны города, въ формѣ денежнаго вспоможенія, или предоставленіемъ Обществу недвижимости въ городѣ.

Въ той же газетѣ передаютъ, что въ одномъ изъ прошлогоднихъ засѣданій главнаго комитета Русскаго Музыкальнаго Общества въ С.-Петербургѣ (въ которомъ, между прочими, присутствовали 2 директора кievскаго и одинъ московскаго общества) было единогласно признано, что, для дальнѣйшаго успѣха нашей національной оперы, Кіевъ представляетъ неоспоримо одинъ изъ весьма важныхъ центровъ въ государствѣ; нѣкоторые утверждали даже, что безъ Кіева русская опера въ Петербургѣ едва ли можетъ рассчитывать на прочную будущность. На основаніи этихъ предположеній, рѣшено употреблять всевозможныя старанія для введенія въ этомъ городѣ русской оперы, совмѣстно съ имѣющеюся уже въ виду музыкальною школою.

Въ письмѣ изъ Кралеводора, помѣщенномъ въ Русскомъ Инвалидѣ, напечатано: «Я оставилъ Прагу вчера утромъ. Третьяго дня вечеромъ давали на пражской чешской сценѣ «Жизнь за царя» (по чешски «Животъ за царя»). Отъ названія до отдѣльныхъ строкъ этой русской оперы, переложенной на чешскій языкъ и поставленной здѣшнимъ режиссеромъ Смѣтаной (при содѣйствіи г. Печатника, если не ошибаюсь)—очень многое звучитъ въ этой оперѣ точно такъ же на чешской какъ и на русской сценѣ. Два языка такъ близки другъ къ другу и при пѣніи слова долетаютъ до публики, незнающей наизусть либретто, такъ неполно, что я, признаюсь откровенно, нѣкоторое время не зналъ, поетъ ли г-жа Александрова по-русски, или по-чешски. Дочь Сусанина уже успѣла пропѣть свое первое соло, а я еще все былъ подъ смутнымъ впечатлѣніемъ, что г-жа Александрова поетъ по-русски, тѣмъ болѣе, что меня предъ тѣмъ убѣждали, что цензура (см. полиція) пропустила русскій текстъ и г-жа Александрова будетъ пѣть по-русски. Только спустя нѣсколько времени я сталъ догадываться, что играю роль жертвы мистификаціи и что московская пѣвица (по чешской афишѣ: первая пѣвица московскаго театра) поетъ по-чешски. Дѣйствительно, русскій текстъ еще не былъ пропущенъ и г-жа Александрова пѣла по-чешски. Чехи крайне ожесточены этимъ. Въ театрѣ было довольно пустыхъ мѣстъ; зато было нѣсколько бѣлыхъ мундировъ австрійскихъ офицеровъ въ партерѣ. При всемъ томъ, г-жу Александрову принимали такъ, что большого, кажется, и желать было трудно. Опять вызовы букеты и т. д., какъ въ первый разъ. Надобно замѣтить, что чехи не столько

восхищаются г-жею Александровою какъ «артистскою», сколько какъ «русскою артисткою». Голосъ г-жи Александровой звученъ и мелодиченъ, когда она поетъ въ полтона, но когда дѣло доходить до итальянскихъ варіацій, переливовъ и т. д., тутъ она снисходитъ съ пьедестала и чехи, на сколько мнѣ удавалось слышать, сознаютъ это. Ихъ первая пѣвица г-жа Беневитцъ-Микова обладаетъ и замѣчательною вѣщностью и первокласснымъ голосомъ. Безпристрастіе и ихъ, и каждого, заставило бы сказать, что какъ пѣвица и артистка г-жа Микова стоитъ выше г-жи Александровой, но на сцену выходить артистка изъ Москвы и комплименты публики сыпятся почти исключительно на нее. Въ «Русланѣ и Людмилѣ» г-жа Александрова также уже пѣла, тоже по-чешски. Артистка боролась при этомъ съ лингвистическими затрудненіями и чехамъ тогда же пришла мысль: отчего партию ее въ этой оперѣ нельзя было бы пропѣть по-русски? Надобно замѣтить, что «Руслана и Людмилу» чехи слушаютъ съ особеннымъ удовольствіемъ и театръ обыкновенно бываетъ полонъ. Въ этой оперѣ есть немало русскихъ народныхъ мотивовъ, а конечно не итальянскихъ пассажей и неподдѣлки подъ нихъ чешская публика ждетъ отъ русской пѣвцы. Г-жѣ Александровой очень мѣшало. Въ этой оперѣ то, что она пѣла на чешскомъ языкѣ, которымъ вообще не владѣетъ въ достаточной степени. Съ легкой руки итальянскихъ пѣвицъ утвердилось мнѣніе, что на какомъ языкѣ ни будь текстъ—у пѣвицы все сойдетъ съ рукъ. У посредственной—дѣйствительно, потому что она въ свою народную рѣчь вложить ровно столько же души и вдохновенія, сколько въ турецкую, или въ китайскую. Но для первоклассной пѣвицы, отъ которой требуется болѣе, которая сама должна переживать строфы либретто и въ нихъ выливать всю глубину таланта передъ публикой—для той взяться пѣть партитуру на непривычномъ языкѣ значитъ занести на себя самую руку. Такой высоко-развитой въ художественномъ отношеніи народъ, какъ чехи, понимаютъ это хорошо во время представленія «Руслана и Людмилы» съ участіемъ г-жи Александровой. Дать возможность русской артисткѣ пѣть по-русски было такимъ образомъ съ ихъ стороны весьма понятною любезностью. Но... Келлершпергъ... руссоманія... руссофобія... политика въ отношеніи къ театру... театр въ отношеніи къ политикѣ... Кто тутъ что разберетъ! Меня увѣрили послѣ третьяго дняшняго представленія, что инныя строфы либретто г-жа Александрова пѣла по-русски. Я уже выше отказался явиться судьей въ этомъ случаѣ. Мнѣ казалось иногда, что весь хоръ поетъ по-русски: такъ два языка близки другъ къ другу. Вообще мнѣ сдается, что если бы г-жа Александрова всю свою партитуру пропѣла по-русски, то нѣмецкая полиція оставалась бы до самаго конца представленія въ сладкомъ убѣжденіи, что ни одного русскаго слова не было пропѣто на сценѣ. Если это не такъ, то аргументы лингвистики и нравовъ Праги должны быть записаны диллетантами и знатоками славянскихъ нарѣчій. Скажу нѣсколько словъ о самой поста-

новкѣ пьесы Г-жа Александрова вышла въ настоящее русское платье—сарафанѣ, душегрѣйкѣ и т. д. Но хоръ пѣвицъ, уходившій со сцены и возвращавшійся на нее—изображавшій русскихъ дѣвушекъ—не представлялъ ничего старинно-русского въ одеждѣ. Если бы во времена Сусанина, въ нынѣшней Костромской губерніи одѣвались такъ, то Петру послѣ было бы гораздо меньше дѣла по перекройкѣ русскаго платья. Русскіе мотивы музыки и пѣсень не всегда звучали дѣйствительно по русски. Роль Сусанина прекрасно игралъ г. Палачекъ. Одежда его также вполне соответствовала роли. Палачекъ уже порядочно знаетъ по-русски и еще прилежно учится русскому языку. Онъ хотѣлъ ѣхать на московскую этнографическую выставку, но—какъ гласятъ здѣшніе театралы—ему не дала отпуска дирекція театра, изъ опасенія, что онъ останется въ Россіи. Но русская сцена еще увидитъ его со временемъ. Вообще въ заключеніе скажу, что отступленія—впрочемъ незначительныя на чешской сценѣ—отъ русской постановки оперы не помѣшали поставить ее великолѣпно. Декораціи замѣчательны. Здѣсь, въ Краледворѣ, приготовляются встрѣчать пятидесятилѣтнюю годовщину открытія краледворской рукописи Ганкою. Къ этому дню готовится рядъ торжествъ, въ которыхъ, кромѣ Краледвора, приметъ участіе вся Чехія и, кромѣ Чехіи, все славянство. Краледворское городское общество купило за 10,000 гульденовъ довольно обширный садъ, гдѣ поставитъ памятникъ Ганкѣ и въ день предстоющаго пятидесятилѣтія положить первый камень на основаніе «театра Ганки». Въ Краледворѣ всего 6,000 жителей. Казалось бы театръ въ немъ не будетъ имѣть успѣха, а между тѣмъ уже существующій здѣсь, не чета тому, который предположено строить, театръ приносилъ среднюю цифрой 100 гульденовъ сбора въ каждое представленіе. А 100 гульденовъ въ Краледворѣ большія деньги даже теперь, когда съ прошлагодней войны въ немъ, какъ всюду въ Австріи, все вздорожало въ сравненіи съ прошлымъ годомъ на 20—30% (благодаря главнымъ образомъ безмѣрному размноженію бумажныхъ, неоплачиваемыхъ монетою денегъ). Мнѣ говорили здѣсь, что въ Петербургѣ и Москвѣ даны будутъ также концерты (г. Воячекомъ и проч.) въ пользу имѣющаго строиться театра Ганки.

Г-жа Александрова играла 28-го іюля (10-го августа) на прощаньи съ чешскою сценою роль Дони-Анны въ «Донъ Жуанъ» и затѣмъ выѣхала изъ Праги. На прощальномъ спектаклѣ она была встрѣчена шумными оваціями.

Въ Чехіи издано предписаніе объ увеличеніи состава цензурнаго комитета для драматическихъ произведеній, представляемыхъ на чешскомъ народномъ театрѣ. Любопытно, какія будутъ распоряженія этого усиленнаго комитета.

27-го іюля (8-го августа), въ мѣстечкѣ св. Мартина, турчанской столицы, было годичное засѣданіе

ученаго общества Словацкой Матицы, на которое явилось болѣе 500 словацкихъ патриотовъ. Еще съ 25-го іюля стали съѣзжаться гости. На другой день вечеромъ былъ спектакль изъ любителей, сыгранный въ одномъ изъ загородныхъ парковъ.

Въ Парижѣ давали съ большимъ успѣхомъ концерты четыре сестры Ванъ-де-Бекъ изъ Голландіи (сопранистка, альтистка, арфистка и піанистка). Гамъ же отличался семилѣтній Отто Алинь изъ Дании, виртуозъ, играющій одновременно на семи барабанахъ.

Въ Парижѣ очень удивлялись, почему капельмейстеру австрійской военной музыки не дано ордена Почетнаго Легіона, между тѣмъ какъ русскій, прусскій и голландскій капельмейстеры получили его. Наконецъ дѣло объяснилось: одинъ изъ участвовавшихъ въ присужденіи наградъ объявилъ, что въ этой несправедливости виновато не французское, а австрійское правительство, которое протестовало противъ пожалованія ордена Почетнаго Легіона австрійскому капельмейстеру, потому что капельмейстеръ Циммерманъ—унтеръ-офицеръ. Такое объясненіе оскорбило общественное мнѣніе, говорить «La France»; французское правительство не должно подчиняться иностранному этикету, но имѣя въ виду только достоинство и заслуги художника, должно награждать его, соображаясь съ требованіями французской справедливости, французскихъ правъ и законовъ.

Парижскія газеты сообщаютъ, что четыре новѣйшія модныя оперетки Оффенбаха выдержали 768 представленій («Belle Hélène»—273 раза, «Vie Parisienne»—265 разъ, «Barbe Bleue»—130 разъ и «Duchesse de Gerolstein»—100 разъ); всѣ вмѣстѣ онѣ доставили сборъ въ 2,555,380 франковъ.

Въ Эмсѣ публику занимаетъ одноактная оперетка Оффенбаха: «La permission de dix heures». Она была здѣсь дана въ первый разъ подѣ управленіемъ автора въ присутствіи Великаго Князя Владиміра Александровича, которому она очень понравилась.

К. М. Веберъ получилъ слѣдующее вознагражденіе за свои оперы: за «Преціозу» 921 талеръ 8 грошей, за «Абу Гассана» 315 т. 12 гр.; за «Фрейшюца» 465 т. 1 грош.; за «Оберона» 3,300 тал.; за «Сильвана» 203 тал.; за «Эврианту» 5,893 тал. 7 гр. Слѣдовательно, за всѣ оперы около 16,300 галлеровъ, т. е. столько же, сколько въ настоящее время получаетъ иной композиторъ любой дрянной комической оперетки.

На парижской выставкѣ находится всего 250 фортепьянныхъ инструментовъ.

Газета «Fremdenblatt» рассказываетъ слѣдующій эпизодъ изъ пребыванія султана въ Вѣнѣ. По окончаніи перваго дѣйствія народнаго спектакля въ оперѣ, сынъ Абдулъ Азиса вышелъ изъ своей ложи и,

подойдя къ стоявшему въ корридорѣ директору театра, сказалъ ему на французскомъ языкѣ: «Мнѣ ужасно хочется курить». Озадаченный директоръ предложилъ ему курить въ корридорѣ; но наследникъ оттоманскаго престола отвѣчалъ, что султанъ терпѣть не можетъ табачнаго дыма, и что онъ проситъ указать ему отдѣльную комнату. Директоръ предложилъ провести его черезъ сцену въ гардеробную комнату. Но какъ только красный фесъ турецкаго принца показался за кулисами, балетныя сильфиды обступили его и стали выражать свое сочувствіе юной Турціи весьма нѣжными жестами. Сынъ падишаха забылъ свое намѣреніе курить и охотно отдался ласкамъ земныхъ гурій. Директору едва удалось спасти его изъ толпы сильфидъ и увести принца въ отдѣльную комнату, гдѣ онъ остался одинъ и усердно началъ курить. Къ несчастію, мимо проходилъ режиссеръ, который, увидѣвъ, что кто-то куритъ въ гардеробной, и полагая, что это какой нибудь фигурантъ изъ турецкой сцены, которая должна была быть представлена въ концѣ спектакля въ честь султана, тихо подкрался къ нему, взялъ его за руку... Что дальше случилось? — неизвѣстно; извѣстно только то, что взбѣшенный принцъ вскочилъ, схватилъ кинжалъ, и едва не убилъ режиссера.

Кто-то спросилъ Россини, кѣмъ сочиненъ гимнъ мира для всемірной выставки въ Парижѣ. Маэстро отвѣтилъ: «Ce n'est ni de Bach, ni de Offenbach».

Знаменитая пѣвица Каталани одно время управляла итальянскою оперою въ Парижѣ. Одинъ театралъный рецензентъ, не любившій этой примадонны, начиналъ обыкновенно свои критики слѣдующею извѣстною цинцеровскою фразою: Quousque tandem, Catalani (Catilina), abutere patientia nostra? (Долго-ли, Каталани, будешь ты во зло употреблять наше терпѣніе)?

Недавно появилось второе изданіе біографіи Моцарта, Отто Яна («W. A. Mozart» v. Otto Jahn). Второе изданіе вполне передѣлано. Разнообразный матеріалъ еще нагляднѣе распределенъ. Это изданіе также обогатилось многочисленными, занимательными анекдотами о Моцартѣ.

Людвигъ Ноль, авторъ біографіи Моцарта, окончилъ второй томъ жизнеописанія Бетговена («Beethoven Leben»). Этимъ томомъ оканчивается біографія Бетговена. Третій томъ посвященъ будетъ подробному разбору произведеній Бетговена.

Книгопродавецъ Адольфъ Бюхтингъ въ Нордгаузенѣ издалъ двѣ небольшія книжки подъ слѣдующими заглавіями: а) «Bibliotheca musicalis» и б) «Bibliotheca Theatralis». Интересующимся музыкою и въ особен-

ности театральнымъ дѣломъ эти сочиненія могутъ быть очень полезны. Первое сочиненіе содержитъ оглавленіе всѣхъ музыкальных книгъ и брошюръ, вышедшихъ съ 1847 до 1866 года. Во второмъ мы находимъ оглавленіе книгъ и статей, относящихся до театра.

Въ 28, 29 и 31 номерахъ музыкальной газеты «Echo» напечатана прекрасная статья подъ заглавіемъ *Дѣйствіе въ Моцартовомъ Донъ Жуанѣ*. Авторъ подробно объясняетъ всю интригу этой оперы и ясно доказываетъ, что либретто въ настоящее время, вслѣдствіе самовольныхъ измѣненій, совершенно искажено. Онъ находитъ, что либретто, въ томъ видѣ, какъ оно написано да Понте, не есть драматическое художественное произведеніе, но все-таки хорошее оперное либретто, составленное съ толкомъ, со вкусомъ и знаніемъ сцены. При этомъ оно не лишено юмора и истинныхъ поэтическихъ моментовъ. Въ послѣднемъ номерѣ «Sueddeutsche Musik-Zeitung» помѣщенъ критическій разборъ новаго сочиненія Поля «Гайднъ и Моцартъ въ Лондонѣ».

Мармоны (по извѣстіямъ одной американской газеты) построили себѣ въ городѣ Утахъ великолѣпный театръ. Артисты, играющіе на этомъ театрѣ, не получаютъ никакого вознагражденія, а участвуютъ изъ любви къ искусству или къ мармону. Часть сбора съ посѣтителей идетъ на содержаніе самаго зданія и всѣхъ театралныхъ принадлежностей, и часть — въ общественную кассу мармоновъ. Представленія на мармонскомъ театрѣ въ Утахъ бывають дважды въ недѣлю. Хорошенькія дочери главы мармоновъ, Брайгамъ-Юнга, съ успѣхомъ исполняютъ роли въ драмахъ, водевиляхъ и балетахъ. При открытіи театра Брайгамъ-Юнгъ приздался: не слѣдуетъ ли начинать каждый спектакль молитвою; но, какъ человѣкъ практическій, понявъ, что это поведетъ къ опаздыванію публики, и потому предоставилъ оркестру наводить ее на благочестивыя размышленія.

ОТВѢТЪ РЕДАКЦІИ.

Актрисъ — пенсіонеркѣ. — Увѣрявшіе васъ, что письмо ваше не будетъ напечатано, не ошибались: безыменные письма не только не печатаются, на нихъ обыкновенно даже и не отвѣчаютъ.

Поправка. Въ предыдущемъ № «Антракта» въ статьѣ «Ковенскій театръ» ошибкой напечатано: *Долбровскій* вмѣсто *Дорошенко*, а въ «Письмахъ темныхъ людей» по ошибкѣ же быкъ *Самсонъ* названъ *Соломономъ*.